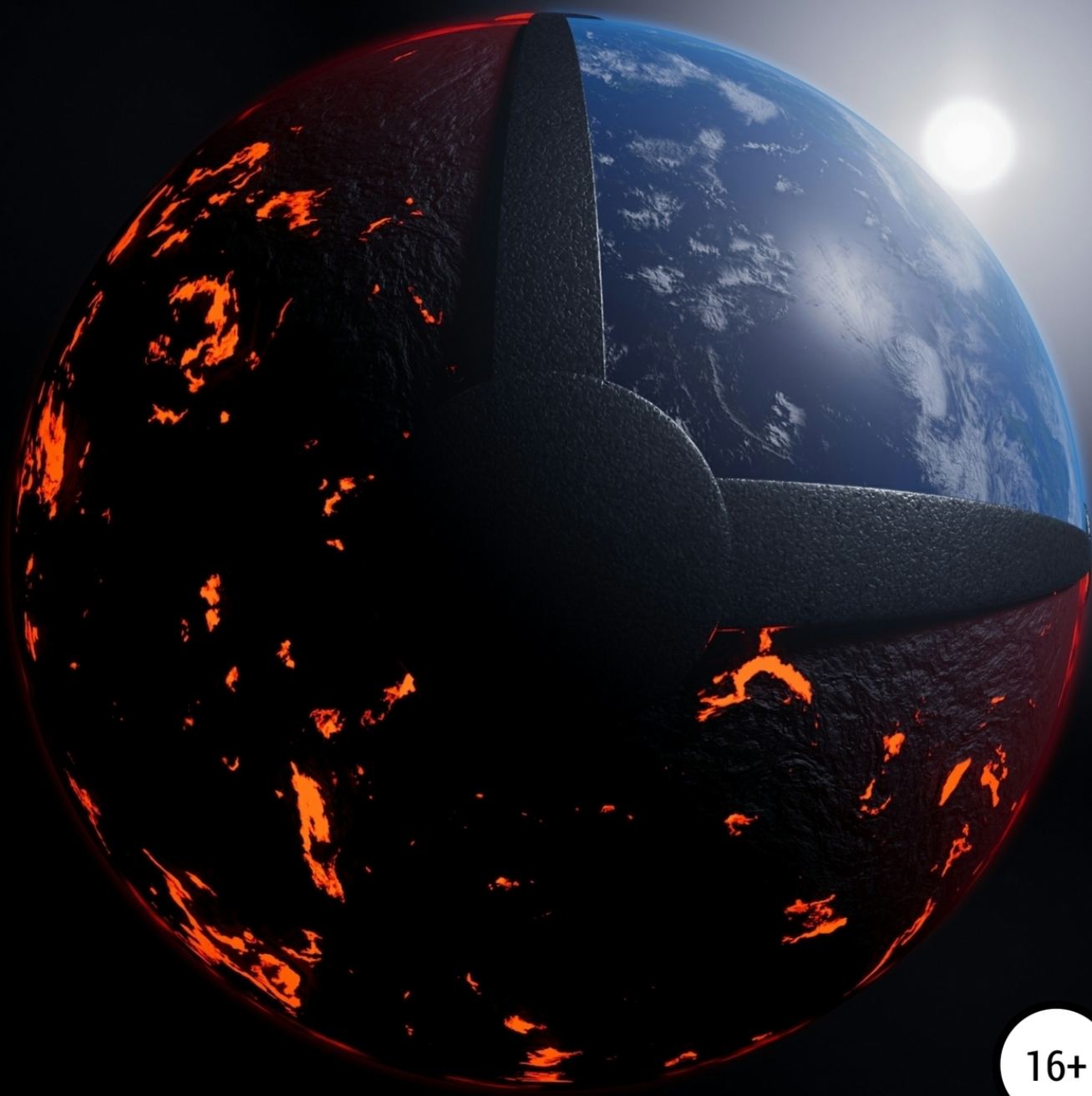

Эдуард Смирнов

Вивификант

16+

Эдуард Смирнов

Вивификант

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Смирнов Э.

Вивификант / Э. Смирнов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08423-0

Верите ли вы в совпадения? Элис - заложник череды трагических случайностей. Опыт - не все, что он получит в награду за преодоление трудностей. Героя ждет нечто большее: жуткая, пробирающая до дрожи своей неизбежностью правда о себе...

ISBN 978-5-532-08423-0

© Смирнов Э., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1

За три минуты до...

Сто десять, сто двадцать, сто тридцать, сто сорок, стрелка спидометра плавно и равномерно двигалась, показывая все более высокие значения, сто пятьдесят, сто шестьдесят, сто семьдесят, сто восемьдесят, все ближе и ближе приближаясь к максимальной отметке. Однако, дойдя до ста девяноста километров в час, она остановилась, лишь изредка колеблясь то в меньшую, то в большую сторону. Ускорение прекратилось.

Большая чёрная машина буквально летела над трассой на такой огромной скорости, казалось, что колёса уже не касаются асфальта, а машина словно плывет или, правильной сказать, парит над дорогой. Сквозь лобовое стекло, было хорошо видно, как автомобиль фактически «проглатывает» новые и новые километры дороги, пролетая больше половины футбольного поля за каждую секунду. Деревья, как в кинофильме, просто мелькали за окном.

Был яркий солнечный день. Стрелка на циферблате едва перевалила за час дня. Солнце, находясь где-то высоко над головой, светило очень ярко, несмотря на это оно совершенно не слепило водителя, наоборот, очень хорошо освещало ему всё вокруг. На небе не было ни облачка. Видимость вокруг просто прекрасная. Воздух удивительно прозрачен. Однако если приглядеться, то становилось видно, что на таких скоростях воздух вокруг машины был как будто жидкий. Он сам плавно двигался, обтекая автомобиль со всех сторон будто вода. Но это не обычная вода, она была словно живая, наделенная своим, каким-то исключительным разумом. На большой скорости, смотря через эту «призму из воздушной жидкости», вокруг создавалась какая-то сюрреалистическая картинка, какой-то совсем иной мир, иная вселенная. Мир со своими, понятными только ему правилами и законами.

За две минуты до...

Яркий солнечный день, абсолютно пустая дорога, никого нет ни спереди, ни сзади, ни даже на горизонте. Вокруг идеальная видимость. Все это словно зовет, предлагая ехать как можно быстрее. Предлагая насладиться дорогой, прочувствовать само движение, саму скорость. Нет ничего из вне, что мешало бы или ограничило эту жажду. Жажду скорости. Все желания и фантазии в этот миг ограничены только лишь разумом водителя.

В такие моменты на больших скоростях часто создаётся ощущение нереальности. Нам кажется, что замирает само время, человек же в состоянии увидеть не только каждую секунду, но даже её малую долю, самую микроскопическую её часть, которая медленно, как бы нехотя проплывает у него перед глазами. Становится видно каждое мгновение жизни, как своей, так и всего вокруг, всего, что ты видишь, всего окружающего мира. Нервы натянуты, реакция мгновенна, мозг настолько сосредоточен, что работает в миллион раз быстрее. В этом состоянии, если захотеть, то можно как в замедленной съемке увидеть колыхание каждого листка на мелькающих за окном деревьях. Нет, мир не останавливается и не замирает. Он продолжает жить своей обычной жизнью. Ускоряешься ты, обгоняя все вокруг, обгоняя само время. Всё это в нашей душе порождает ещё большую жажду – жажду скорости.

За одну минуту до...

Машиной, летящей по трассе, был большой чёрный джип. Именно он, огромный и, казалось, неповоротливый, расталкивая своими чёрными блестящими боками сам воздух, летел вперёд, навстречу пока ему не известной судьбе.

В автомобиле играла легкая приятная музыка. Внутри него сидели два человека. Молоденькая очень красивая девушка с милым, даже, можно сказать, в чём-то детским лицом. На вид ей было около двадцати лет. Она своими огромными удивлёнными глазами смотрела в

окно машины. Блеск её довольных глаз можно было увидеть даже в еле заметном, почти совсем прозрачном отражении в стекле. В них легко читались удивление, благоговение, радость и даже небольшой страх перед такой большой скоростью. Девушка лишь иногда кротко, даже с осторожностью переводила взгляд на своего спутника. Хотя потому, как она с восхищением смотрит на него, было абсолютно ясно, что ей это очень-очень нравится.

За рулём машины сидел серьёзного делового вида крупный мужчина лет тридцати. Он был абсолютно спокоен и собран. Иногда он тоже с нескрываемой и нежной улыбкой поглядывал на свою спутницу. В тоже время он очень внимательно следил за дорогой. Мужчина хорошо понимал, что сейчас в его руках жизнь. Жизнь их обоих.

Несмотря на явную разницу в возрасте, они оба выглядели очень счастливыми. У каждого кто видел этих двоих вместе, в голове сразу проносились мысли: «Идеальная пара». Он – большой, сильный, уверенный в себе брутальный мужчина. Она – стройная, хрупкая, легкая, воздушная маленькая «фея». Абсолютный баланс. Они явно наслаждались обществом друг друга и, конечно, скоростью.

Большая чёрная машина продолжала свой скоростной «полёт». Уже пару десятков километров им не встречались даже попутные машины. Дорога была абсолютно пуста. Последнюю машину они обогнали минут десять назад. Это был красивый серебристый джип. Его водитель тоже попробовал ускориться, однако долго удерживать большую скорость не смог и вскоре остался где-то позади. Сейчас в зеркале заднего вида его уже давно не было заметно.

За пять секунд до...

Где-то пока далеко впереди водитель чёрного джипа заметил, как по дороге, вернее, по правой обочине дороги с небольшой скоростью что-то движется. На первый взгляд это был то ли мотоцикл, то ли мопед. Точно разглядеть не получалось, поскольку тот, двигаясь не по асфальту, а по земле, поднимал за собой внушительные облака пыли.

Уже совсем скоро стало видно, что мотоциклом или чем-то вроде того управлял взрослый мужчина. Одет он был в джинсы и лёгкую синюю клетчатую рубашку без рукавов. Это был явно житель одной из деревень, находившихся неподалеку, коих масса была вдоль этой трассы. Мужчина ехал сильно «налегке», без шлема да и вообще без какой-либо экипировки. Было видно, что он явно никуда не спешит, поэтому и съехал с проезжей части на обочину, видимо, стараясь никому не мешать. Впрочем, во всем этом не было совсем ничего необычного, просто рядовая ситуация, которых в дороге даже не счесть.

За три секунды до...

Мотоциклиста водитель машины увидел ещё издалека. Дорога впереди была абсолютно ровная, и видно было очень далеко вперед. Да и такое облако пыли сложно было не заметить. Когда до мотоциклиста оставалось метров двести, водитель чёрного джипа почему-то посмотрел на спидометр и потом снова взглянул на мопед впереди. После чего слегка отпустил педаль газа, скорость плавно снизилась до отметки в сто шестьдесят километров в час. Затем без всяких на то причин, сам особо и не осознавая, для чего он это делает, водитель джипа слегка повернул руль влево, подальше от обочины. Дорога была хоть и хорошая, но, увы, не слишком широкая. Полоса для движения в каждую сторону была только одна. Поэтому от этого маневра машина лишь послушно перестроилась ближе к разделительной полосе. Потом он так и не сможет объяснить, зачем все это сделал. Просто, как он скажет, мотоцикл впереди почему-то вызывал в нем лёгкую, едва заметную необъяснимую тревогу.

За две секунды до...

В этот момент машина почти догнала мотоцикл. Между ними оставалось каких-то шестьдесят, может, семьдесят метров. Теперь уже чётко было видно: по обочине ехал старенький,

видавший виды мопед со взрослым, лет сорока пяти мужчиной за рулём. Он спокойно ехал и смотрел вперед, не обращая никакого внимания на приближающуюся очередную попутку.

Менее одной секунды до...

Между автомобилем и мопедом оставалось менее двадцати метров, когда вдруг произошло необъяснимое и страшное событие. Мужчина за рулем мопеда крутанул ручку газа и, не глядя, резко дернул руль в сторону дороги, намереваясь то ли развернуться, то ли просто повернуть. Впрочем, в тот момент это уже было неважно. Столкновение стало неизбежным. Всех ждала авария. Весьма страшная авария. На «ринге дороги» встретились два «боксера» в явно разных весовых категориях. «Тяжеловес» – огромная машина массой более трех тонн и «легковес» – маленький легкий мопед, в котором от силы было сто килограммов, это если вместе с водителем. Они сближались со скоростью сорок пять метров в секунду. Итог был очевиден.

За миг...

Всё, что произошло далее, описать и просто, и очень сложно. О чём в этот момент думал мужчина на мопеде, сказать уже невозможно. Последнее, что он увидел перед столкновением, была огромная светящаяся чернота, летящая прямо на него. Он увидел «свою смерть», не меньше, и поэтому просто закрыл глаза.

Мужчина за рулем большой чёрной машины, увидев перед собой препятствие, поступил совсем иначе. Его мозг, привыкший к скорости, сработал мгновенно и чётко. В голове молнией были просчитаны все возможные варианты. Таковых оказалось всего три.

Первый вариант. Экстренно тормозить, стараться удержать машину от опрокидывания и схода с трассы. Последствия – тормозной путь автомобиля при такой скорости – около ста шестидесяти метров, до препятствия двадцать метров, машина словно каток пройдёт по мотоциклисту. Итог – верная смерть. Отпадает.

Второй вариант. Экстренно тормозить и повернуть машину на «встречку». Там сейчас никого нет. Последствия – резкий маневр на такой скорости почти со стопроцентной вероятностью вызовет переворот машины. Начав кувыркаться, она сомнёт мотоциклиста и убьёт их обоих. Итог – снова смерть. Отпадает.

И, наконец, третий вариант. Не тормозить. Резкое торможение на такой скорости не принесет никакой пользы, оно лишь вызовет потерю управляемости машины. В итоге последствием будет только смерть, а кого-то одного или всех – это неважно. «А если поступить иначе...»

Водитель джипа резко крутанул руль в сторону встречной полосы и в тот же момент с силой надавил на педаль газа. Двигатель автомобиля, и без того работающий на пределе, взревел. Машина, сильно накренившись, сразу повернулась к мотоциклисту почти что боком. От резкого маневра перед машины с правой стороны мгновенно опустился, словно вдавливаясь в асфальт, как дикий лев перед прыжком, он фактически вжался в землю. Именно в этот момент в уже опустившееся правое крыло пришелся первый удар мопеда. Если бы водитель просто повернул руль, передняя часть машины не опустилась бы, в этом случае удар пришелся бы точно в арку переднего колеса, и мопед с мотоциклистом затянуло под машину. Тогда шансов было бы точно ноль.

Водитель машины сейчас не обращал практически никакого внимания на происходящее вокруг. Он был полностью сосредоточен на своих действиях. Единственное, что он сделал, и, по меньшей мере, это было очень странно, – в момент первого удара, видя прямо перед собой мотоциклиста, он зачем-то вслух сказал:

– Живи.

Пассажирка машины смотрела на всё огромными испуганными глазами. Руками она закрывала себе рот. В её горле замер так и не вырвавшийся крик ужаса и отчаяния. Удар был с её стороны, и она очень хорошо видела абсолютно всё.

Она видела, как после удара мопед стал странно кувыряться, как бы переворачиваясь одновременно через себя и в то же время вдоль правого борта машины.

Она видела, как у него оторвался руль, как он скрутился в какую-то непонятную фигуру, будто был не стальной, а сделан из какой-то резиновой трубки.

Она видела, как словно надувной шарик разорвался бензобак мопеда, как в стороны полетели осколки металла. Видела, как вспышкой конфетти, словно из «железной хлопушки», разлетелось вокруг топливо, белой дымкой покрывая всю эту жуткую картину.

Она видела, как на её глазах словно обычный фантик смялось и порвалось на куски большое переднее крыло машины. Видела, как у машины с грохотом взорвалось переднее колесо, когда в него попали какие-то железные куски. Как оторванное зеркало заднего вида улетело куда-то в сторону.

Видимо, только потому, что машина была значительно выше и крупнее мопеда, стёкла на ней, как это ни удивительно, не повредились. Мотоцикл же, крутясь словно волчок, летел по борту машины, ломаясь на части, скручиваясь и разрываясь на куски.

Прямо на глазах, как под прессом, сложилась пополам рама мотоцикла. Оба колеса мопеда, оторвавшись, взлетели в воздух. С них прямо на глазах словно кожу сорвало всю резину, а потом, будто взорвавшись, они и вовсе разлетелись на куски. Весь воздух в этот момент был наполнен парами бензина и осколками битого стекла. Миллиардом осколков – белых, красных, жёлтых, даже зеркальных. Всё это, буквально вися в воздухе, светясь и шипя, медленно двигалось вслед за автомобилем. Разорванное в клочья сиденье водителя мопеда отскочило и ударилось в стекло машины, оставив на нем несколько царапин. Стекло не разбилось, выдержав удар. Сиденье же сползло вниз и исчезло где-то под днищем машины.

Во всём этом ужасе хаоса девушка нечётко видела самого мотоциклиста. Вернее сказать, она видела только его клетчатую синюю рубашку,двигающуюся вместе со всем этим месивом вдоль борта автомобиля. Было совершенно ясно: машина тащит человека за собой. Синяя рубашка словно призрак мелькала во всём этом хаосе.

Чтобы не улечь в кювет и удержаться на дороге, водитель автомобиля снова резко повернул руль, теперь уже в обратную сторону, возвращая машину на свою полосу. После чего он резко нажал на тормоз. Все, что он мог сделать, он сделал. Чудеса – уже не его компетенция. У машины были разорваны оба правых колеса, поэтому удержать её и тормозить было невероятно трудно. Однако через почти двести метров ему все же это удалось, и он остановил автомобиль на своей обочине.

Весь этот ад длился всего каких-то пару секунд, но, несмотря на то что прошло так мало времени, казалось, промелькнула сама вечность.

Остановив наконец машину, мужчина отпустил руль и повернулся к своей спутнице, быстро оглядел её. Он был сильно бледен, тем не менее максимально собран и очень четко знал, что делает. Он спросил:

– Ты жива?

Девушка, не убирая рук от лица, кивнула.

– Не пострадала? – он ещё раз быстро осмотрел её взглядом.

Девушка отрицательно покачала головой.

– Сиди в машине. Ясно?

Фраза прозвучала из его уст как жесткий, не терпящий ни малейшего возражения приказ. Вот только сказана она была лишь потому, что за свою жизнь мужчина несколько раз был хоть и, слава богу, не участником, но, увы, свидетелем последствий страшных аварий. И он

слишком хорошо помнил те ужасы, которые видел на месте столкновения. Он знал, во что при столкновении превращают людей скорость и металл.

Почти сразу, не дожидаясь ответа, он открыл свою дверку и вышел. Даже не взглянув на автомобиль, мужчина побежал к месту аварии.

Через всего лишь каких-то пятьдесят метров ему стали попадаться разбросанные то тут, то там оторванные и изувеченные части мотоцикла и его машины. Не обращая на них никакого внимания, он бежал дальше. Мыслей в голове не было никаких. Хотя нет, одна все же была: «Крови пока нет».

Впереди прямо на месте столкновения остановился уже знакомый ему серебристый джип. «Откуда он взялся так быстро?» – подумал мужчина. Люди из джипа уже спешили на помощь.

Наконец добежав до места столкновения и увидев всё своими глазами, мужчина замер как вкопанный. Машина протащила за собой мотоциклиста более пятидесяти метров. Взяв его вместе с мотоциклом, «пережевав» их обоих, все, что осталось, она просто «выплюнула» на дорогу позади себя. Мотоцикл был в буквальном смысле разорван и размазан по асфальту. Не осталось ни одной целой детали. Только «щепки». Невозможно было определить не то что марку мопеда – нельзя даже было понять, что это вообще когда-то был мотоцикл. Так вот, посреди всего этого ада, прямо в эпицентре на асфальте был мужчина в синей клетчатой рубашке, ну, или в том, что от нее осталось, и непонимающе смотрел вокруг. Нет, у него не было оторванных рук или ног, как логично было бы себе представить. На нём не было страшных порезов, ран, из которых бы ручьем текла кровь. У него не было даже, как уже потом выяснилось, ни одного перелома. Иначе говоря, у него не было никаких видимых повреждений. Он спокойно сидел на асфальте и тер рукой ягодицу, на которой через разорванные на куски штаны красовался здоровый тёмный синяк. Вот это и всё, что с ним произошло. Вот этот синяк и порванная одежда и были всеми последствиями от столкновения человека с тремя тоннами металла на скорости сто шестьдесят километров в час.

От удара металл как промокашку порвало на куски. Машина его вместе с мотоциклом тащила по дороге больше полусотни метров, перемалывая по пути. Стальная рама мопеда согнулась и сломалась, как картонка в детской поделке, когда на неё случайно наступили. И в противовес всему этому – синяк на самом «ярком» месте.

Водитель мопеда и водитель джипа смотрели прямо друг на друга, и оба молчали.

Вокруг суетились люди. Остановилось ещё несколько машин. Все, видя последствия аварии, хотели помочь. Но, подойдя поближе, никак не могли понять, что же здесь произошло. Потом, увидев, что, кроме техники, никто не пострадал, садились в свои машины и уезжали.

Водитель черного джипа смотрел на все происходящее и не верил тому, что видит. Он просто никак не мог осознать, что это реальность. Его мозг, не имея объяснения тому, что видит, просто отказывался четко работать. Он повернул голову и еще раз осмотрел место аварии. Вот поврежденный, разорванный бок машины. Вот останки, по-другому не скажешь, мотоцикла. И вот чудо – человек в разорванной в клочья одежде, не просто выживший, а даже не пострадавший, посреди всего этого хаоса.

Спустя какое-то время все остановившиеся машины разъехались по своим делам, и мужчины остались на дороге вдвоем. До этого момента они так и не сказали друг другу ни слова, оба приходя в себя от случившегося. Наконец первым молчание нарушил водитель машины:

– Нужно убрать обломки с дороги, не дай бог, кто налетит еще, – он сделал шаг в сторону, потом, обернувшись, спросил:

– С тобой точно все нормально? Подождешь?

Мотоциклист кивнул и потом сказал:

– Я помогу, – и сделал шаг навстречу.

– Нет, стой! Не нужно! Лучше я сам. Будь на обочине, – тут же остановил его водитель джипа. Он направился к первому крупному обломку «неизвестно чего». По дороге уже себе самому он тихо сказал:

– Хватит на сегодня испытывать судьбу, как, впрочем, и чудес достаточно.

Он быстро собрал на дороге все искореженные куски металла и пластмассы и отнес их в сторону, так чтобы они не мешали движению. Затем вернулся к мотоциклисту. Тот послушно стоял на обочине и не двигался. Подойдя к нему, водитель машины сказал:

– Ну что, пойдём?

– Куда? – удивленно спросил мотоциклист.

– Как куда? К машине, конечно. Нужно вызвать такси или скорую и отвезти тебя в больницу, – ответил водитель джипа.

– Зачем в больницу? Со мной же всё хорошо. Вы же сами видите, – возмутился мотоциклист, но потом тем не менее послушно пошел следом.

– Видеть-то я вижу, хотя и ничего не понимаю. Но все равно нужно показать тебя врачам и обследовать. Мало ли что. Лучше перестраховаться. К тому же нужно наконец вызвать полицию, пусть оформят аварию.

Мотоциклист вдруг резко остановился и сказал:

– А можно не вызывать полицию? Можно просто на такси в больницу?

Водитель джипа тоже остановился, повернулся к мотоциклисту и удивленно спросил:

– Почему не нужно?

– Во-первых, я очень не хочу, чтобы об этом кто узнал. Ну а во-вторых, я... короче, у меня нет с собой документов. Да и экипировки обязательной никакой. Не нужно быть гением, чтобы понять, что я сам тупо влез под колеса. Я даже не глянул на дорогу, когда поворачивал.

– Права-то у тебя есть? – спросил водитель машины и пошёл дальше. Мотоциклист плелся за ним.

– Да есть... дома. Знаешь, я очень рад, что моя глупая выходка так закончилась и никто не пострадал. Я не хочу снова испытывать судьбу и все объяснять уже в полиции, за это меня по головке не погладят. А урок я получил на всю оставшуюся жизнь. Да и я очень не люблю лишнее внимание к себе, а когда откроется, как всё вышло, его будет с избытком. И всё закончится тем, что такого не бывает и я лжец. Я этого не хочу. Я не очень умный человек, но и не дурак и все понимаю. Я правда найду деньги и заплачу за ремонт машины, честно, просто мне нужно немного времени, и все.

В этот момент они подошли к машине. Водитель взялся за ручку на дверке, но не открыл её, он вдруг повернулся и сказал:

– Знаешь, мне не нужны твои деньги ни сейчас, ни потом, и я куплю тебе новый мопед, так будет правильно.

– Что? – не понял мотоциклист. – Что значит правильно? Ведь это я всё натворил. За что? – он удивленно, с широко открытыми глазами стоял и смотрел на водителя машины.

– За то, что ты жив. Лучшего подарка мне сегодня не нужно. За то, что ты жив и я не стал убийцей. И не важно, по своей или по чьей-то вине, – он открыл дверку машины и сказал сидящей там девушке:

– Родная, это... – он вопросительно посмотрел на мотоциклиста.

– Артём, – сказал тот.

Водитель машины протянул ему руку и представился:

– Элис. Мою спутницу, – он указал на сидящую в машине девушку, которая ошарашенно и ничего не понимая смотрела на них обоих, – зовут Ника.

Артём протянул руку в ответ. Рукопожатие получилось по-мужски сильным.

Элис вновь повернулся к своей девушке и продолжил:

– Так вот, это Артём, мы столкнулись с ним, и нам нужно вызвать такси.

Элис неподвижно сидел за столом у компьютера и, не отрываясь и не моргая, смотрел на экран монитора. В комнате была абсолютная темнота. За окном – уже глубокая ночь. Без света помещение выглядело каким-то невообразимо большим. Так казалось, поскольку темнота сама по себе, в сущности, не подразумевает никаких границ. Единственным островком света было небольшое пространство, которое заливал бледный голубоватый свет от монитора компьютера.

На экране было открыто несколько десятков страниц совершенно различных сайтов с целой кучей научной, математической, статистической и прочей информации. На первый взгляд все они были абсолютно не связаны друг с другом. Однако если прочитать информацию на последней открытой странице, вся головоломка мгновенно складывалась во вполне ясную картину. Текст на открытой странице был следующий:

«...столкнуться человеку с машиной, движущейся на скорости сто шестьдесят километров в час, – это все равно что упасть из окна сорок второго этажа на асфальт.

При ударе такой силы внутренние органы разрываются и раздавливаются внутри. Кости словно рассыпаются, превращаясь просто в груды щепок. Мышцы, не выдерживая такой дикой нагрузки, не просто рвутся – они расслаиваются, распадаясь на отдельные волокна. Сила воздействия несовместима с жизнью.

Вероятность благополучного исхода для человека – ноль.

Вероятность человеку выжить в этой ситуации – ноль.

Вероятность человеку случайно выжить в этой ситуации – ноль.

– ...столкнуться с машиной, движущейся на скорости в сто километров в час, равносильно падению на асфальт с семнадцатого этажа. Что существенно сути не меняет. Вероятность благополучного исхода для человека – ноль. Вероятность человеку выжить в этой ситуации – ноль.

Элис прочитал этот текст уже сотню раз. Он искал в нем, да и везде, где мог, хоть малейшую лазейку, ну хоть намек на ошибку, но увы. Чем больше он искал, тем, наоборот, находил все больше информации с подтверждением этих слов. Элис тихо, с каким-то отчаянием произнес вслух:

– Единственно возможный вариант – смерть, – он встал, протянул руку и выключил монитор.

Комната погрузилась в абсолютный мрак.

Глава 2

Ветер. Дождь. Темнота.

Ветер дул на удивление сильный и пронизывающий, что, казалось, от него спрятаться и укрыться было просто невозможно. Вдобавок к этому, как это обычно и бывает, шел мелкий моросящий противный дождь, словно дымкой или пеленой покрывающий все вокруг. Так что в сочетании с ветром казалось, что капли летят то вверх, то вниз, то в сторону, то вообще замирают в воздухе. Даже тусклый свет, падающий на дорогу из окон стоящего рядом пятиэтажного дома, оставлял ощущение не тепла, а какой-то враждебности, поскольку и справа, и слева была абсолютная темнота.

Это был совсем маленький, даже по меркам самых маленьких, городок, состоящий всего из двух пятиэтажных домов, затерянных где-то в глуши на востоке страны.

Стоя на дороге в свете одного из окон и стараясь хоть как-то совсем не промокнуть и не замерзнуть, подросток лет 15-ти нервно, даже порой зло перебирал в руке длинный кожаный поводок, иногда окриками требуя от собаки, спокойно бродившей рядом, быстрее заканчивать со «своими делами».

Пес по кличке «Карат» был, несомненно, редким представителем своей породы. Это была восточноевропейская овчарка огромного размера порядка восьмидесяти сантиметров в холке. Шикарный и хорошо сложенный пес отличался не только внушительным видом, который приводил в трепет всех, кто его видел, но и был на редкость очень умной собакой. Карат каждый раз оборачивался, внимательно выслушивая своего хозяина, и продолжал деловито расхаживать взад и вперед, делая вид, что погода его совсем не беспокоит. Впрочем, видимо, так оно и было. Поводок был очень длинным, это позволяло ему отходить настолько далеко, что он был иногда практически невидим своему хозяину, превращаясь просто в силуэт в темноте.

Понимая, что в этом случае криками требованиями от собаки добиться ничего не удастся, подросток, звали его Элис, замолчал и постарался просто подождать, а не дергать пса. Тем более что выгуливать его все равно было необходимо. У Элиса уже сильно замерзли руки, и ему очень хотелось засунуть их в карманы. Мешал лишь поводок, который упустить было никак нельзя. Немного подумав, Элис прочно накрутил поводок на руку и завязал его на запястье. Карат – очень послушный и спокойный пес, но совсем не хотелось еще и искать его в темноте, если вдруг поводок выскользнет из порядком замерзшей и мокрой руки. Сжав руки в кулаки, Элис засунул их в карманы. Голову ему пришлось сильно втянуть в плечи, чтобы капли дождя, скатываясь по шапке, не попадали за шиворот. «Ну, вот так вроде весьма неплохо, – промелькнуло в голове подростка, – уже можно, хотя и весьма сносно, но мириться с погодой».

Элис поднял глаза и посмотрел на Карата. Несмотря ни на что он очень любил этого пса, жившего у них дома уже несколько лет. Хотя пес формально принадлежал не ему, слушался Карат беспрекословно только Элиса. Между ним и собакой всегда была какая-то до конца не понятная и неосознаваемая связь. Вот и сейчас Элис смотрел на собаку, стоящую в темноте, и ему казалось, что Карат смотрит прямо ему в глаза. Две яркие точки, не двигаясь, горели в темноте.

То, что произошло далее, Элис потом так и не сможет очень долго себе объяснить.

Две яркие точки в мгновение исчезли в темноте. Пес рванул в сторону с такой силой, как будто пытался сдвинуть мир, «разорвать время, изменить судьбу», как потом скажет Элис. От такого рывка Элис, хотя и был рослым мальчиком далеко не робкого десятка и мог удержать Карата всегда, взмыл в воздух, пролетев около двух-трех метров, упал в темноте на землю. Еще пару метров он прокатился уже в жидкой, липкой и холодной грязи, пока поводок, привязанный к его руке, наконец не ослаб.

Придя через несколько секунд в себя и подняв голову из грязной жижи, первое, что увидел Элис, – это довольную морду Карата, который стоял рядом и весело вилял хвостом, явно показывая, что заслуживает похвалы.

«ПРИБЬЮ...» – первое, что мелькнуло сквозь пелену злости в голове у подростка. Элис сел в луже и обернулся. Свет из окон хорошо освещал в грязи на дороге два отпечатка его ног метрах в пяти от него.

И вдруг злость, раздражение, озноб, холод, ветер куда-то исчезли. Капли дождя прекратили свое падение и зависли в воздухе. Сверху из темноты что-то огромное со свистом и ревом ударилось о землю прямо в том месте, где минуту назад стоял мальчик. Элис сидел и смотрел на кривой и страшный след, оставленный на асфальте предметом, который сейчас должен был забрать его жизнь...

Постепенно все вернулось – ветер, дождь, холод, время. Поднявшись из лужи и подойдя поближе, он увидел жуткую картину. Элис стоял и смотрел, вцепившись левой рукой в холку пса так, что рука побелела от напряжения. Он просто боялся пошевелиться или произнести хоть слово. Элис смотрел на кривой разлом между следами в грязи, на вырванные куски асфальта, пытаясь понять, что произошло. Карат же, не сопротивляясь, спокойно, покорно стоял рядом и ждал своего хозяина, всем видом показывая, что это событие его больше не интересует.

Упавшим предметом был железный кусок кровли размером в несколько метров. Упав ребром, он более чем на десяток сантиметров в глубину разрубил асфальт прямо между двух отпечатков ног. Если бы там стоял человек, он, несомненно, был бы рассечен пополам и погиб.

«Случайность? Хм... Может, пес увидел угрозу и испугался? Может». Однако лист упал спустя почти минуту после его действий.

«Значит, это просто подарок, и, выходит, это Жизнь».

Глава 3

Каждый из нас знает, что любой человек на нашей планете по-своему уникален. И это касается не только внешности. Существует невообразимое множество различных черт и признаков, которые как разъединяют нас на индивидуумы, делая людей порой очень одинокими, так и объединяют в общие группы, создавая фактически «коллективный» разум.

Но порой один и тот же признак может разобщать и объединять людей одновременно. И только от нас самих зависит его назначение, от нашего понимания сути вещей.

Самой наглядной объединяющей и в своем многообразии одновременно разобщающей людей силой можно назвать их мировоззрение или религию. Самое важное в том, что религия сама по себе уникальна. Порой, разобщая людей, религия бесконечно их объединяет. Например, разделяя нас различными учениями и верованиями, она все равно именно этим объединяет нас как людей верующих.

Однако есть немало людей, которые стараются исключить из своей жизни все необъяснимое. Они предпочитают доверять только сухим цифрам и фактам, иначе говоря, только науке. Это атеисты, материалисты, все люди, которые не веруют. Они всегда повторяют, «что не верят ни во что и ни в кого, кроме себя», часто называя себя исключительно «светскими» людьми. Теперь выходит, что религия все-таки разъединяет. И опять в итоге нет.

Казалось бы, что общего между человеком верующим и человеком, отделяющим себя от религии так или иначе? На первый взгляд вроде бы ничего. Но стоит внимательно посмотреть, как любой человек, будь то «светский» либо «религиозный», пожилой либо подросток, а порой и ребенок, мужчина либо женщина, придя в храм, мечеть, синагогу, иными словами, в место «общения» людей с Богом, смотрит на все, что его окружает. Как он смотрит на убранство, архитектуру, красоту и величие и какие чувства при этом испытывает. Совсем при этом не важно, действующий это храм или памятник древности. Неважно также, к какой конфессии он относится. Человек, находясь в таком месте, всегда испытывает трепет и благоговение перед увиденным. Душа каждого, как верующего, так и просто туриста, наполняется внутренним покоем и гармонией. Видя перед собой величие человеческой веры, каждый из нас невольно, как человек, живущий в этом мире, являясь частью этого мира, считает себя частью этого величия.

Удивительно, но выходит, что порой то, что нас разобщает, на самом деле является самым сильным объединяющим фактором, который фактически и создает само человечество.

Конечно, в голове подростка, стоящего и сейчас во все глаза разглядывающего величественный и весьма древний христианский храм, проносились совсем другие мысли и выражал он их значительно проще. Но, может, это и правильно? Не зря же говорят, что устами детей глаголет истина.

– Я, конечно, не очень понимаю, нафига всё это нужно, но это капец какая крутая штука. Она такая... – он слегка запнулся, подбирая слово. Наконец, перебрав свой словарный запас и не найдя ничего яркого, просто сказал: – Огромная и такая красивая. Крутяяк, – проговорил мальчик вслух. Он просто не мог оторвать взгляд от золотых, переливающихся на солнце куполов храма, а когда вдруг неожиданно зазвонил колокол, мальчишка аж подпрыгнул от восхищения.

Храм на самом деле действительно был очень красивым и величественным. Справа и слева белые красивейшие фасады, похожие друг на друга как две капли воды. Наверху величественно красовалось мощное пятиглавие с большим центральным куполом. В куполах поменьше расположились звонницы со множеством колоколов, создающих свой уникальный перезвон.

Мальчик смотрел на все это и явно любовался. Нет, он, конечно, и раньше видел этот храм, но никогда так близко. Вот и сейчас, если бы родители не привели его на крещение, вряд ли он бы попал сюда. Но одно было точно: близость к такому величию меняла все его восприятие.

– Блин, что ж тогда там внутри? – никак не унимался его ум, отчего он произносил все вслух и разговаривал сам с собой. – Ну, хоть одним глазком бы посмотреть, а? Интересно, а пустят ли меня туда? Вот этого бы очень хотелось. Эт точно.

Мальчик все еще стоял и разглядывал здание, как вдруг услышал, как кто-то позвал:

– Ричард?! – затем снова, но уже настойчивее: – Ричард! Ну где ты наконец? – голос явно был женский.

В первые секунды, видимо, от неожиданности и не сознавая, кто его зовёт, а Ричард был именно он, мальчик заметно съёжился, как бы ожидая чего-то плохого. Ребенок словно ошетинился, «как щенок», когда ее собираются ударить палкой. Затем спустя долю секунды, видимо, наконец узнав голос, в мгновение снова преобразился. Он развернул плечи и выпрямился, даже, показалось, став немного выше, и ответил:

– Иду, мам!

Мальчик еще раз взглянул на здание и побежал к месту, где неподалеку стояли его родители и разговаривали со священником. «Правильно, наверно, сказать «настоятель храма»? А может, и нет», – почему-то подумал мальчик. Где и когда он слышал это выражение, он не помнил. «А впрочем, какая разница?»

Он подбежал к матери и сказал:

– Да? Я тут.

– Ричард, ну где же ты опять ходишь? Я же говорила: никуда далеко не уходить.

– Но я же совсем рядом, мам, – оправдывался мальчик.

– Так. Все. Хватит. Сейчас это уже неважно, – одернула его женщина.

– Церемония скоро начнётся. Но до этого мы должны выбрать тебе имя.

– Имя? – не понял мальчик. – Какое имя? У меня уже есть имя. Зачем? – мальчик удивленно смотрел на мать.

– Нам сказали, что тебя нельзя крестить под твоим именем, поскольку имя Ричард является католическим. В православии такого имени нет, – попыталась ему объяснить мать. – И поэтому для крещения, как нам объяснили, нужно выбрать другое, христианское имя.

– Что значит нет имени? – не унимался мальчик. – Я же есть. И меня так зовут. Так почему это меня вдруг нет? Зачем вообще мне нужно новое имя? – недоуменно говорил ребенок. Хотя в чем-то он, конечно, лукавил. Он честно совсем не понимал, зачем ему другое имя и возможно ли такое, но сама идея ему явно нравилась.

Священник, стоящий рядом, внимательно слушал их «перепалку» и слегка улыбался.

– Простите, – обратился он к матери мальчика. – Позвольте, я попробую ему объяснить? Женщина повернулась к нему и ответила:

– Да, пожалуйста. У этого ребенка на все и всегда свое мнение и свой взгляд, ему нужно объяснять абсолютно все. Это наш вечный поиск истины. Он не унимается никогда.

Священник повернулся к мальчику и спокойно произнес:

– Конечно, ты есть. У тебя очень красивое и звучное имя. Я бы даже сказал, оно редкое и вместе с тем очень известное. Многие великие люди носили это имя с гордостью. Но как ты смотришь на то, что у тебя будет ещё одно имя? «Тайное имя».

– «Тайное имя»? – переспросил мальчик. – А так бывает? Разве так можно?

– Конечно, бывает и, конечно, так можно, – серьезно ответил ему священник. – У тебя просто будет два имени. Одно – это имя, которым тебя нарекли родители при рождении. С этим именем ты жил до этого момента и будешь жить еще очень долго. И второе – «тайное», или церковное, имя с которым ты теперь сможешь обращаться к Богу. Иметь такое имя – это

благодать, это твоя сила, которая будет влиять на всю твою жизнь и будет напрямую формировать твою судьбу. Она создаст и закалит твой характер. И это имя будет только твоим выбором, и ничьим другим. Этот выбор будет зависеть только от тебя самого. Более того, ты сможешь говорить своё «тайное имя» только тем, кому захочешь, только дорогим и близким для тебя людям.

Мальчик задумался, потом вдруг повернулся сначала к матери, потом к священнику и спросил:

– А можно я задам Вам вопрос наедине, чтобы никто не слышал? Всего один.

Священник перевел взгляд с мальчика и посмотрел на женщину. Та с недоумением повернулась и взглянула на мужа, который спокойно стоял рядом и не вмешивался. Мужчина, поняв, что решение в таком неожиданном вопросе принимать придется ему, просто пожал плечами, после чего сказал:

– А почему нет? Мы же твердим, что это его день, его выбор. Так пусть спрашивает то, что хочет и как хочет. Нельзя давать свободу наполовину. Сынок, мы с мамой подождем здесь.

Женщина вздохнула и, вновь повернувшись к священнику, утвердительно кивнула.

Священник вместе с мальчиком отошли на несколько шагов в сторону. Мальчик махнул священнику рукой, предлагая поклониться к нему. Священник немного наклонил голову. После чего мальчик очень тихо что-то спросил у него. В ответ тот улыбнулся, но, несмотря на это, очень серьезно ответил:

– Конечно, можно. Ведь это лишь твой выбор и твоя жизнь, а в ней все зависит только от твоего желания, она станет такой, какой ты сам её создашь, с божьей помощью, конечно.

Мальчик на секунду задумался, потом вежливо ответил:

– Спасибо.

После чего они оба вернулись к родителям мальчика.

– Ну что, теперь мы можем приступить? Все вопросы решил? Или есть еще что? – спросила Ричарда мать.

– Да, можно, – серьезно ответил мальчик. – А когда я могу выбрать себе имя? Где у вас список? Или как там эта штука называется? – серьезно спросил подросток.

– Сынок, может, мы с папой все-таки тебе поможем с выбором? Что скажешь? – спросила на всякий случай мать мальчика.

– Нет, я сам. Это будет мой выбор. Одно имя вы мне уже дали, теперь моя очередь. Ну и когда приступать? – последний вопрос он адресовал священнику, посмотрев прямо на него.

– Да прямо сейчас, – ответил тот. – Список имен у нас, конечно же, есть, и очень большой. Но позволь, раз уж мы с тобой так откровенно разговариваем, я сначала предложу тебе одно очень красивое имя, которое, на мой взгляд, подходит тебе больше всего. Это имя очень редкое, но очень важное и сильное. Имя человека, который своей жизнью может изменить сам мир. Если оно тебе понравится, можешь выбрать его, если же нет, ну что ж, мы посмотрим наш большой список. Там уж точно найдется такое имя, которое придётся тебе по вкусу.

– И что это за имя? – с интересом спросил подросток.

– Это имя – Элизбар. Это одно из старейших и самых сильных имен. Некогда его носил один бесстрашный человек. Что скажешь?

Мальчик слегка нахмурился, после чего попробовал повторить:

– Элизе... Эльба. Блин, я уже забыл, как его правильно говорить, какое-то оно сложное. У вас нет версий слегка попроще?

Священник снова улыбнулся и сказал:

– Ну, иначе оно звучит просто Элис.

– О, Элис – это уже круто. Это мне нравится, – сказал мальчик, но по его лицу было видно, что он все еще колеблется в своем решении.

– Если тебе интересно, это имя одного великого князя, жившего несколько столетий назад на Кавказе. А также оно означает...

– Хорошо, я согласен, – перебил его мальчик. – Пусть будет Элис. Мне это имя нравится. Священник не стал договаривать начатую фразу, вместо этого он сказал:

– Помимо того, что оно тебе нравится, и это твой выбор, знай, что это имя сильно изменит твою жизнь. Для тебя и всех окружающих его влияние точно не останется незамеченным.

– Я на это надеюсь, – тихо, себе под нос сказал Ричард.

Дело в том, что имя Ричард ему совсем не нравилось. Нет, неправильно, само имя ему, конечно, нравилось, но вот жить с ним подростку было весьма сложно. В школе достаточно быстро его имя стало и его прозвищем, и, как считал он сам, его проклятием.

Рич – богатенький. Его постоянно дразнили и задевали другие ребята, а порой даже и девочки. Но вот если с первыми можно было хотя бы подраться, отстаивая свою правоту, то от последних приходилось всё терпеть. Девочек бить нельзя, это закон. Так его учил отец.

Вот только версий, интерпретаций и сочетаний с его именем он услышал столько, что не счесть. «Смотрите, вот идет наш богатенький», – частенько слышал он позади себя. «Ну что, богатенький, как дела у миллионеров?» «Что, богатенький, как жизнь буржуя?» Все бы ничего, но вот только так говорили специально. Семья у Ричарда хоть и не особо бедствовала, но вот средним классом ее можно было назвать лишь с очень большой натяжкой.

У Рича довольно часто не было модных вещей, новых игрушек, да и много чего, что было у его друзей. Его самого это абсолютно не смущало, он был далеко не глупым ребенком и все понимал. Рич давно усвоил, что в жизни бывает всякое, то белая полоса, то черная. Так вот, в их семье черная полоса явно почему-то затянулась. Ричард не жаловался, он был вполне доволен своей жизнью, но слышать постоянно эти дразнилки было просто невыносимо. У любого человека первая же ассоциация к слову Рич – это богатый. Все просто великолепно, когда это на самом деле так, но когда дела обстоят иначе, тебе непременно об этом напомнят, и много раз, будь уверен.

Дети всегда очень жестокие, поскольку не знают границ, а порой и меры. В своем поведении они зачастую не безумно жестоки – они уничтожают, просто превращают в пыль других личность других детей, разрушая их характер, уничтожая зарождающиеся крупинки собственного достоинства. Издевки вызывают ненависть к окружающему миру, и в первую очередь ненависть к предмету или признаку, из-за которого их дразнят. Так и случилось с Ричем, со временем он стал ненавидеть свое имя, считая именно его причиной всех своих бед.

– Ну что ж, если мы, о, простите, Вы, – женщина обратилась к сыну, – все решили, можно теперь уже начинать церемонию? На этот раз, надеюсь, никто не против? – она снова посмотрела на сына, стараясь слегка поддеть его словами.

– Нет, я не против, – спокойно и уверенно ответил мальчик. – Пошли.

Все вместе они посмотрели на священника, ожидая от него разрешение сделать следующий шаг. Священник одобрительно кивнул, и они все вместе направились в храм.

Сама церемония, как показалось Элису, была не очень долгой и сложной. Однако кое-что в ней он так и не понял. Например, то, зачем его головой, да еще несколько раз, окунули в воду. Но в остальном было прикольно и весьма интересно.

А вот сам храм внутри оказался действительно невероятно красивым. Поэтому часть церемонии мальчик просто откровенно глазел по сторонам и в мелочах разглядывал все, что видит вокруг. Особенно ему понравился сам алтарь. «Офигенское сооружение и невероятно красивое», – думал он про себя. А когда вдруг выяснилось, что внутрь можно заходить только мальчикам, он вообще был просто в восторге от этого. «Вот это идеальное решение», – сразу решил он.

Когда обряд крещения был закончен, все они снова вышли во двор храма. Ричард, как обычно, убежал куда-то далеко вперед. Мать мальчика остановилась у входа и, улучив момент, когда рядом с ней и священником никого не было, спросила его:

– Извините, я не знаю, можно это спрашивать или нет, но если это не тайна, конечно, скажите, о чем Вас спросил мой сын, когда вы отходили в сторону?

Священник, абсолютно не удивившись её вопросу, спокойно ответил:

– Нет, это вовсе не тайна. Он спросил, можно ли ему использовать только новое имя и в церкви, и в обычной жизни. Как я понял, сказал он это отдельно вовсе не потому, что это была тайна, а лишь потому, что очень не хотел вас случайно обидеть. У Вас уникальный ребенок, в жизни ему предстоит еще огромная масса свершений.

– Спасибо, – ответила женщина. – Я все же надеюсь, что уж не такая огромная. Лишь бы он был счастлив и здоров.

Она сделала шаг вперед к сыну и вновь позвала его:

– Сынок, не убегай далеко. Ты меня слышишь, Ричард... – вдруг она почему-то осеклась на полуслове, а потом повторила фразу, только уже совсем по-другому:

– Элис, не убегай далеко. Слышишь меня?

Услышав ее, мальчик остановился, обернулся и с улыбкой посмотрел на мать. После чего крикнул в ответ:

– Хорошо, мам, – ему очень понравилось, как она его назвала. – Хм, Элис, – сказал он сам себе и через пару секунд уже бежал дальше, к своим невероятно «важным делам».

Священник же тихо, скорее для себя, чем для женщины, которая уже на несколько шагов ушла вперед, произнёс:

– Он будет не только здоров и очень счастлив. Он вырастит великим. Он станет нести жизнь другим, возрождая и спасая всё вокруг себя. Находясь рядом, он будет всегда помогать людям, спасать их, – затем, замолчав на какое-то мгновение, он закончил фразу, которую хотел произнести еще до начала крещения: – Элизбар значит «Божья помощь».

Глава 4

Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус.

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

«Какое оно всё-таки бесконечно голубое», – внезапно промелькнуло в голове. Элис стоял абсолютно неподвижно у окна и, не отрываясь, смотрел в голубую даль неба. Апрельское солнце нежно своими лучами ласкало его обращённое к свету лицо. И действительно, голубая синь неба была сегодня удивительно чистой и глубокой. Взгляд простирался вперед и ввысь, насколько хватало сил и воображения, утопая и теряясь где-то далеко в пространстве бесконечности.

Комната, в которой стоял Элис, выглядела небольшой, но очень уютной. Это была гостиная. Убранство комнаты было явно подобрано со вкусом, хотя сейчас оно абсолютно не привлекало к себе внимания, оставаясь в стороне. Солнечный свет, проходя сквозь огромное окно, заливал собой всю комнату, отражаясь от любых, даже немного блестящих поверхностей. Он рассыпался всюду миллионом солнечных зайчиков, наполняя комнату, в которой стоял человек, забавной и причудливой игрой света. Благодаря этому все вокруг было таким теплым и спокойным – умиротворенным. Глядя на вокруг, казалось, что сама красота жизни представляла перед ним во всем своем великолепии.

Жизнь... Это все, что сейчас на самом деле крутилось у него в голове. За его невозмутимым внешним спокойствием скрывалось страшное и единственно возможное решение, которое может только родиться у человека в голове. У человека, который попал в ситуацию, когда, сделав абсолютно все, начинаешь надеяться на чудо, от кого бы оно ни исходило. Когда ты готов заплатить любую плату за помощь, лишь бы хоть как-то спасти жизнь.

Элис понимал, что именно он, и только он, сейчас может это чудо сотворить. Он был абсолютно собран и спокоен. «Пип... Пип...» – эхом пронеслось в его голове. Находясь достаточно далеко, он отчетливо и громко слышал у себя в голове всё. Все звуки «Пип... Пип...», которые издавал аппарат жизнеобеспечения в реанимации одной из больниц города. Слышал их так, как будто стоял с ним рядом.

В реанимации одной из детских больниц, в палате, где сейчас уже пятые сутки, больше ста двадцати часов, четырехсот тридцати двух тысяч секунд, врачи боролись за жизнь маленького человечка, делая все мыслимо-возможное и невозможное, используя любой шанс, все знания и силы. Несмотря на все это трехлетний человечек умирал. Жизнь постепенно покидала это маленькое, хрупкое и абсолютно беззащитное тело. Ребенок не мог уже сам даже дышать, находясь в коме. Казалось, что он просто спит, но уже никогда не проснется.

«Страшная болезнь».

«Очень редкая ее разновидность».

«С высоким порогом смертности».

«Один случай на миллион».

«Больше ничего сделать нельзя».

«Остается только молиться и надеяться на чудо».

Все эти слова, врезавшись каленым железом, шипели и жгли в голове у Элиса. Там умирал ребенок, там умирала его дочь.

«Пип... Пип...» – раздавалось снова где-то внутри, выворачивая все естество словно наизнанку.

«Пип...» – звук молнией проходил через все тело. Больше ждать было просто нельзя, да и невозможно. Ребенок сам не справится. Теперь это уже ясно. Только чудо, только жизнь его может спасти, его жизнь, Элиса.

Уверен, каждый родитель, который хотя бы однажды сидел у кровати своего больного ребенка, думал: «Все, что угодно, только бы не болел, только бы выздоровел, сам готов переболеть за него сто раз. Жизнь свою бы отдал, только бы с ним все было хорошо». Так внутри себя, в своих мыслях не раз говорил любой любящий отец или мать, однако понимая, что такой жертвы от него никто никогда не потребует и не возьмет.

Жертвенность – это первое, чему нас учит любовь, тем более любовь к близким, любовь к детям. Это одна из непреложных истин нашей жизни.

Именно мысль «я вместо неё» сейчас и главенствовала в голове Элиса. «Я вместо неё, только живи».

«И что же, – может сказать кто-то, – чем это может помочь сейчас, как спасти?» Согласен, у обычного человека – практически никак. Вот только Элис не был обычным человеком – он был Вивификантом.

Вивификант, или «Дарящий жизнь», – человек с уникальной и удивительной способностью накапливать в себе энергию жизни и при необходимости передавать её тем, кто стоит на пороге смерти, даря человеку шанс на новую жизнь.

Элис был одним из самых сильных Вивификантов. Он спас очень большое количество людей, всегда находя ещё одну часть энергии – частицу души, чтобы возродить в них жизнь. И вот сейчас, стоя у окна, он понимал, что для спасения самого важного человека в его жизни энергии в нем нет. Вся она была растратчена ввиду последних событий, а накопить новую он ещё не успел, просто не успел... Случись эта беда на месяц раньше или позже, он мгновенно бы решил всё. Как всегда, создал чудо, спокойно наблюдая со стороны. Однако сейчас он оказался не готов. Он не ожидал такого поворота событий. Это предвидеть было просто невозможно.

Всё это сто раз промелькнуло у него в голове. Все возможности, все варианты, но ни один из них не подходил. В них во всех было коварное и ненавистное ему «если бы...». Несмотря на свой уникальный дар, Элис был всего лишь человек. Людям же не дано предвидеть будущее и свойственно ошибаться. Вот только цена ошибки порой очень и очень высока, даже непомерно высока.

Элис не зря уехал из больницы. Это было просто необходимо сделать, поскольку он должен был остаться один. Стоя у окна, Элис не принимал решение. Нет. Его он принял очень давно. Он знал, что сейчас сделает, и нисколько не сожалел об этом. Страха, боли, отчаяния больше не было. Его разум был абсолютно чист и спокоен. Он уже достаточно долго ждал, надеясь на чудо, вот только оно не произошло. Остался только он и его выбор.

Элис закрыл глаза и сосредоточился – Вивификант – Человек – Отец, четко и уверенно произнес:

– Я вместо неё, я согласен. Живи.

В тоже мгновение перед глазами загорелась яркая нестерпимая вспышка, руки и ноги налились огромной тяжестью, словно груз всего мира мгновенно повис на них. Элис почувствовал, как что-то легкое, практически невесомое медленно, не спеша, как бы нехотя покидает его тело. Он умирал.

Элис сел на пол. Что будет дальше, он не представлял и просто ждал. Сколько у него времени: минута, час, день, – это ему было неизвестно. Он знал, что, будучи очень сильным Вивификантом, был способен на жертву, то есть отдать свою энергию жизни, свою душу другому человеку. И в этот последний раз Элис снова подарил жизнь, забрав её у себя. Даже Вивификанты очень редко обладают таким даром. Жизнь сама защищает себя. Дарить жизнь – да, отнимать – нет.

Элис сидел на полу с закрытыми глазами и ждал. «Пип... Пип...» – продолжало раздаваться в его голове.

«Пип... Пип...» И вдруг всё смолкло. Все исчезло, все звуки, стало непривычно тихо.

Телефонный звонок, как никогда громкий, как никогда сильный, буквально взорвавшись в голове, разрезал тишину. Открыв глаза, Элис протянул едва послушную руку и взял телефон.

– Она дышит!!! – кричали в трубке.

– Элис, она дышит. Слышишь? Сама, она сама дышит. Она вернулась!

– Она жива!

Слов было много, и все их так хотелось слушать, так хотелось. Каждое из них буквально обнимало, ласкало, затягивая огромное количество зияющих ран в одной пока еще живой душе.

Не выключая телефон, Элис опустил его. Все, что хотел, он уже услышал. Он услышал все, что было для него важно, то, ради чего он жил, и то, за что он умирал. Элис облокотился на стенку и снова закрыл глаза. По щекам его текли слезы. Он был бесконечно счастлив. Сознание постепенно гасло.

Впереди была лишь темнота...

Глава 5

Сколько раз за свою жизнь Элис был в разных больницах, столько удивлялся, как же все-таки они похожи. Нет, не интерьером, планировкой, отделкой или оборудованием. Это все, конечно, было абсолютно разным. Нельзя, да и невозможно, было бы сравнить рядовую клинику и серьезный большой медицинский центр, в котором они с Никой сейчас находились. Нет. Одинаково было ощущение, особенно если ты обращался с какой-то серьезной проблемой. Когда каждое сказанное слово может означать приговор. В них во всех всегда присутствует чувство паники, а порой даже какой-то животный страх. Страх перед неизвестностью. То чувство, когда ты смотришь на врача как на человека, наделенного какой-то сверхсилой, и ждешь, что вот сейчас он все поймет и исправит – совершит чудо. И это так называемое благоговение читается в глазах очень многих пациентов. Все хотят жить. Все ждут и ищут шанс на спасение, шанс на жизнь. Умирать всегда страшно, особенно если ты еще достаточно молод и толком еще и не жил. Но гораздо более мерзко и жутко знать, что ты умираешь. Знать тот маленький срок, отмеренный тебе судьбой. Знать, что ничего сделать уже нельзя. Испытывать чувство, когда хочется рвать и метать, понимая, что все, это конец. В этот момент ты уже фактически мертв. Неизбежность – вот что на самом деле страшно. Неизбежность всегда несвоевременной смерти – вот что уничтожает человека, сжигая его изнутри. Любое существо на планете (и человек не исключение) борется и бьется до последнего, цепляясь за жизнь. И лишь отчаяние и апатия, в которую порой впадает человек, убивают нас гораздо быстрее.

Мы считаем. Нет. Мы уверены, что всегда можно что-то сделать. Человек и его возможности еще очень плохо изучены. Мы практически ничего не знаем о вселенной, которая нас окружает. Также как и о самой жизни, о ее законах, о ее зарождении. Ничего не знаем о её истоках. Плохо понимаем смерть, считая её концом пути. А ведь это далеко не так. Во всем есть гармония и баланс, в энергии жизни тоже. «Ничто из ниоткуда не берется и никуда не исчезает». Жить любому существу позволяет энергия жизни, находящаяся в нем, которая после смерти никуда не исчезает. Мы мало знаем даже о самом себе. Может, поэтому всегда надемся на последний шанс.

Вот именно за шансом, пусть и последним, Элис с Никой сюда и пришли.

В очень большом, как казалось на первый взгляд, кабинете было достаточно пусто. Из мебели стояли только шкаф со стеклянными дверками с кучей бумаг внутри, и несколько стульев вдоль стены у двери. Рабочий стол был даже не большой, а просто огромный. Он сразу бросался в глаза всем, кто входил в кабинет, хотя был практически пустым, если не считать монитора, клавиатуры и фоторамки. Также в углу стола аккуратно стопкой лежали какие-то медицинские документы. Позади стола стоял небольшой стеллаж, который полностью занимали различные книги, журналы и, кажется, справочники. Свет в кабинете не горел. Из-за полумрака в помещении даже с небольшого расстояния прочитать названия книг было практически невозможно.

За столом сидел мужчина довольно пожилого вида в белом больничном халате. Он спокойно, не спеша, даже, казалось, как-то размеренно листал медицинскую карту, читая отдельные её листы по несколько раз, внимательно и скрупулезно изучая все, что там было написано. Это был очень известный и уважаемый профессор – светило в области иммунных заболеваний, неврологии и нейрохирургии. Главврач медицинского института по изучению головного мозга – высшей инстанции в своей области. Ника, жена Элиса, сидела напротив профессора за столом и просто ждала. За последнее время вот так она с мужем сидела в ожидании уже, наверно, в сотне кабинетов. Они были у огромного количества врачей, прошли множество клиник и медицинских центров. И пока все было впустую. Каждое новое исследование, каждый новый сделанный анализ своим результатом только усугубляли ситуацию. Они лишь добавляли еще

больше отчаяния и безысходности. Только Элис, его присутствие и поддержка не давали ей опустить руки. Именно он давал ей силы и заставлял бороться. Сама Ника считала, что шансов у неё уже нет.

Вот и сейчас Элис привел её. Вернее сказать, фактически принес её сюда, почти заставив. «Все будет хорошо, просто верь мне. Мы вместе сможем победить все. Вот увидишь. Просто верь». И она верила. Вера ему и в него – это единственное, что не давало Нике просто сойти с ума от всего происходящего. Как бы это странно ни звучало, но между ней и смертью стоял именно он. Не врачи, не лекарства, а именно Элис не давал ей скатиться в пучину отчаяния и гибели. С жизнью её связывала уверенность, исходившая от него, уверенность в том, что все будет хорошо. Иногда ей казалось, что Элис знает что-то такое, чего не знает никто. Ника верила, что именно он сможет ей помочь, он знает, как, он сможет сделать чудо. А ведь лишь чудо могло её сейчас спасти. За последнее время Элис уже сделал столько невероятного и, казалось, невозможного.

Вот и сейчас она сидела в кабинете у врача, к которому попасть простому человеку было практически невозможно. Он просто уже не принимал пациентов. А о существовании этого места она вообще знала только из телевизора, и то не была в этом уверена.

За последние месяцы все обследования и анализы были уже сделаны сотни раз. Все изучено и рассмотрено до мельчайших деталей. Все врачи, которые до этого момента смотрели результаты, только разводили руками. «Ничего сделать нельзя. Диагноз точный и окончательный. Вариантов быть не может», – говорили они. Только Элиса такой ответ никогда не устраивал. Он шел дальше, цеплялся за любой шанс, он искал решение. «Выход есть всегда, – повторял он. – Его нужно просто найти, понять, увидеть. Ника должна жить! Другое неприемлемо». Вот и сейчас его решимость и вера и привели их сюда.

Элис сидел на стуле у входа в кабинет. Он специально сел именно здесь. Он старался казаться просто сопровождающим, чтобы врач мог говорить свободно и открыто, не выбирая слова и не «смягчая» информацию. Элис уже знал, что этот доктор обладает двумя чертами. Во-первых, он был гениальный врач и лучший специалист в своей области. Во-вторых, он был жуткий циник и никогда ни с кем не церемонился. Многим, кто был с ним знаком, он казался слишком жестоким. Этот доктор всегда говорил правду без прикрас, не жалея пациента и не скрывая ничего. Вот это как раз многих и пугало. Никто не хочет знать абсолютно все. Но это знание как раз и было сейчас нужно. Поэтому Элис сидел и ждал.

На улице было пасмурно. «И как он при таком слабом свете может читать?» – размышлял Элис, глядя на доктора. «Неужели просто нельзя включить свет?» – пришла очередная мысль. Прошло около тридцати минут, когда наконец врач вновь перевернул карточку на первую страницу. Не отрываясь от карточки, он спросил:

– Вам сейчас двадцать три?

– Да, скоро двадцать четыре, – спокойно ответила Ника.

Потом, подняв на Нику глаза, он вдруг задал ей весьма неожиданный вопрос:

– Вы замужем?

– Да.

– Давно? – продолжил он.

– Уже почти полтора года, – ответила Ника. – У нас маленькая дочь, – продолжила Ника, не понимая цель и необходимость таких вопросов.

Затем последовал вопрос, суть которого была просто гадкой:

– И что, Ваш муж, узнав все о вашей болезни, Вас до сих пор не бросил?

Ника ответила не сразу. Она просто на миг опешила от такой неожиданной бесцеремонности. И, растерявшись, не сразу нашлась, что ответить. Взяв себя в руки, она четко и спокойно ледяным голосом произнесла:

– Нет, не бросил. Вас что, это удивляет? – её слова прозвучали словно вызов.

Доктор внимательно посмотрел на Нику, затем отложил в сторону её медицинскую карточку и произнес:

– Хорошо. Я постараюсь Вам помочь, девушка. Сейчас я выпишу ряд лекарств, которые Вам необходимо будет принимать каждый день. Всегда. Всю оставшуюся жизнь. Не удивляйтесь, это экспериментальное лечение. Поэтому информацию о нем нельзя получить нигде. Кроме того, пока абсолютно невозможно однозначно предсказать его результат. Но шансы есть. Даже в Вашем случае. Вы согласны?

Ника вопросительно посмотрела на Элиса, как бы ища поддержки. Она ждала помощи в принятии решения. Элис кивнул ей в ответ.

– А у меня есть выбор? – спросила она доктора.

– Откровенно говоря, нет. Это Ваш единственный и последний шанс, или Вы умрете, и очень скоро, – услышала она в ответ.

– Я согласна, – быстро произнесла Ника.

– Отлично, – сказал врач и обратился к Элису:

– Молодой человек, проводите девушку. Пусть она подождет в коридоре. А Вы зайдите за рецептом ко мне.

«Что, так просто? – пронеслось у Элиса в голове. – Не может быть. Слава богу. Мы всё-таки справились». Мысли накатывали волнами, не давая все осознать до конца.

Элис быстро встал и подошел к Нике. Он помог ей подняться со стула и, поддерживая, вышел с ней из кабинета. Сама ходить она уже неделю не могла. Ей не было больно, ноги просто не слушались её. Они подкашивались, не желая стоять прямо, как у бегуна, пробежавшего марафонскую дистанцию. Самой стоять у неё получалось, только если она опиралась на что-нибудь, например стенку или стол. Именно поэтому большую половину дороги от дома до медицинского центра Элис просто нес её на руках. В этот момент ему казалось, что она весит не больше пушинки.

Коридор, в отличие от кабинета, был ярким и светлым. Поскольку пациентов здесь, на этом этаже центра, обычно не бывает, скамеек или кресел также нигде не было. Единственное кресло стояло у стойки дежурного по этажу почти в десятке метров от кабинета, к нему Элис и отвел её. Лицо у Ники в этот момент выражало смесь непонимания, радости, удивления и страха. Она явно была ошарашена таким приемом. Посадив Нику в кресло, Элис наклонился и сказал ей на ушко:

– Гении все чокнутые. Не обращай внимания. Главное, что он может тебе помочь. Я люблю тебя, Звездочка моя.

На самом деле Элис почему-то подумал: «Зачем нужно было её отводить так далеко? Неужели нельзя было выписать рецепт при ней?» Однако он не придал этим догадкам никакого серьезного значения. И тут же забыл. Было видно, что Ника до сих пор не отошла от такой бесцеремонности и, как ей казалось, просто хамства. «Он Вас все еще не бросил?» Фраза застряла у неё в голове, не давая покоя. От неё было не по себе. Она посмотрела на Элиса. Тот улыбнулся ей.

– Я скоро, – сказал он ей и пошел обратно в кабинет.

Доктор сидел и ждал его и, как только Элис зашел, произнес:

– Подойдите к столу и присядьте, молодой человек.

Элис подошел к столу и сел. Без какого-то предисловия врач сказал:

– У Вашей жены RS, или рассеянный склероз. Впрочем, это, как я понимаю, Вам известно. Вот только это еще не все. Вылечить это невозможно, максимум – остановить. И то на время. Рассеянный склероз – это страшная и неизлечимая аутоиммунная болезнь. Самое ужасное то, что это болезнь молодых. Ею болеют только молодые люди в возрасте от двадцати до сорока лет. Иногда моложе. Реже – старше. Обычно пациент с таким диагнозом живет около десяти лет (при благоприятном прогнозе и щадящем течении болезни). Болезнь проте-

кает циклически от обострения к ремиссии. Цикл чаще всего длится около полугода, иногда меньше или больше. Но всегда за ремиссией следует обострение, после которого появляется новый симптом, вылечить который уже нельзя. Болезнь всегда в организме запускает какой-то провоцирующий фактор. В Вашем случае болезнь спровоцировала беременность. А рождение ребенка, я имею в виду сами роды, запустило процесс обострения, причем лавинообразный. Предсказать или предвидеть это было никак нельзя. Виноватых здесь тоже нет, сколько ни ищите. Считайте, что Вам просто не повезло. Но это не все плохие новости. У Вашей жены не просто классический рассеянный склероз. У неё спинномозговая форма. Это самая худшая и агрессивная разновидность этой болезни. В Вашем случае наблюдается резкое ухудшение состояния. Уже сейчас болезнь затронула не только головной мозг. Её спинной мозг также поврежден. Все повреждения необратимы.

Элис сидел и молча слушал. Он фактически даже не дышал. Слова доктора с легкостью уничтожали всю его жизнь как песочный замок. Врач озвучивал сейчас всё то, что он так боялся услышать, все, во что Элис не хотел верить. Он говорил о безысходности и неотвратимости ситуации. Он говорил о смерти.

– Жить ей осталось в лучшем случае при самом благоприятном прогнозе шесть месяцев. Реально – даже меньше. Иначе говоря, до дня рождения Вашей дочери она не доживет.

«А вот это уже черный юмор», – подумал Элис. Но промолчал.

– Согласно результатам её обследования сейчас у неё уже перекрыто больше половины поля зрения, причем на оба глаза. Через пару недель, может, дней, зрительный нерв будет полностью поврежден. Тогда наступит полная и уже необратимая слепота. Также уже сейчас у неё плохо работает опорно-двигательный аппарат, – профессор сделал маленькую паузу.

– Насколько я видел, она не ходит и еле стоит сама. Это так? – спросил он.

Элис кивнул в ответ. Открыть рот и сказать что-то более внятное он сейчас был не в состоянии. Врач продолжил:

– Ходить она уже не будет никогда. При такой скорости течения болезни очень скоро она не сможет не только ходить, но и даже сидеть самостоятельно. Затем у неё начнут отказывать руки. Через некоторое время, пару месяцев, я думаю, она не сможет говорить. Затем она не сможет сама есть, потому что не будет в состоянии сама глотать пищу. Тело практически перестанет её слушаться. Дальше умирать она будет уже в больнице, пока не наступит полный паралич. Как только паралич затронет легкие, она не сможет дышать и умрет. Все это будет происходить постепенно. Болезнь с каждым разом все сильнее и сильнее будет атаковать её организм, пока не уничтожит его. Может незначительно меняться последовательность, но, чтобы Вы ни делали, финал будет один – смерть. Смерть максимум через полгода. Скорее, даже меньше. И будьте готовы, что процесс этот для Вашей семьи будет страшный. Не хочу сгущать краски, но Вас ждут шесть месяцев ада.

Элис сидел, не в силах даже пошевелиться. В этот раз он понимал, что больше сделать ничего не может. Этот врач был их последней надеждой.

– Волшебного лекарства не будет – его просто не существует. Вашу жену я просто обманул. Надеюсь, теперь понимаете, почему. Борьтесь не с чем. Организм Вашей жены сам уничтожает себя, и остановить это нельзя. Я выписал ей обычный фитосбор. Это просто успокоительный состав. Лишь набор трав, для того чтобы поддержать её психическое состояние и не сойти с ума. Он поможет ей не паниковать при появлении очередных симптомов. Поможет ей не наделать глупостей, на которые многие решаются, когда становится тошно дальше так жить, жить и умирать с каждым днем прямо на глазах. Многие решают, что «уж лучше сразу». Я надеюсь, Вы меня понимаете? – спросил доктор.

Элис снова кивнул головой и с трудом выдавил из себя еле слышно:

– Да, я понимаю.

– Я рассказал Вам все это, чтобы помочь поставить точку в Ваших бесконечных скитаниях по больницам. Лучше от этого уже не станет. Вы просто упустите время побыть вместе, пока она еще может относительно полноценно жить и способна радоваться. Времени у Вас осталось очень мало, цените его. Иногда разумнее и правильнее отступить, а не гоняться за призраками, – снова переведя дыхание, доктор продолжил: – Искренне сочувствую Вам. Я считаю, что раз Вы еще с ней, то вправе самостоятельно решать, рассказывать ли ей все это.

Элис на мгновение опустил в пол глаза и сказал:

– Я уже понял это. Спасибо Вам за такое решение.

– Не обольщайтесь, я сделал это не ради Вас. Ваша жена и так страдает, не стоит её добивать информацией, которая, во-первых, не поможет, а вот навредит – сто процентов.

– Я за это Вас и поблагодарил, – спокойно и холодно ответил Элис. – Мне ни помощь, ни жалость не нужны, помогите ей, – Элис замолчал.

Профессор, глядя на него, как-то жестко усмехнулся и продолжил:

– Сбор будете заказывать раз в месяц в регистратуре. По мере появления симптомов фитотерапевт, которого я назначу, будет корректировать его состав, постепенно усиливая действие. Удовольствие недешевое, но без него будет значительно хуже. Впрочем, решать Вам. Вот первый рецепт. Отдайте его на посту дежурному врачу. По нему Вам сейчас приготовят все необходимое. К сожалению, помочь ей не смогу ни я и никто другой. Слишком поздно. Она обречена. Это все, можете идти, – доктор замолчал.

Элис слушал его молча и не перебивал. Огромное количество мыслей путались в голове, не давая сосредоточиться на услышанном. Хотелось просто убежать. Спрятаться от всего этого. Убежать так далеко, как только возможно. Убежать от всех и от себя. Как в детстве, спрятаться под одеяло и не видеть весь ужас этой реальной жизни. Много из того, что сказал ему сейчас доктор, Элис знал и ранее. Но он никогда не собирал у себя в голове все эти знания воедино. Он даже на секунду не мог себе представить всю картину целиком. Всю эту жестокую, страшную и ненавистную правду. Слова, которые произнес врач, просто резали его сознание на полоски, на мелкие части, на кусочки, превращая всю его жизнь в мелкое конфетти. Это была их последняя надежда. Весь его мир только что рухнул, распавшись на песчинки, превратившись в пыль. Идя сюда, он сам, наверное, даже больше Ники, надеялся на чудо. Надеялся, что существует какой-то, пусть и маленький, пусть ничтожный, шанс все исправить. Шанс спасти ей жизнь. Ведь Ника была для Элиса всем. Она была его воздухом. Он жил и дышал этим человеком. И вот сейчас её фактически забирают у него, на прощание оставляя, как ему сказали, шесть месяцев ада, которые ждут их впереди.

Взяв себя в руки, Элис собрался встать, чтобы уйти, как вдруг понял, что уже стоит. Когда он встал, Элис не знал. Он этого даже не заметил. Только что человек, которого Элис себе представлял как спасителя не меньше, уничтожил в нем последнюю надежду. Своим вердиктом врач не оставил ни единого шанса на исцеление, он фактически убил самого дорогого, важного, самого любимого человека в жизни Элиса. Спрашивать или уточнять что-либо было бессмысленно. Все сказано четко и ясно. Без каких-то иллюзий. Элис взял рецепт, развернулся и направился к выходу. Уже у самой двери он остановился и, повернувшись к доктору, произнес:

– До свидания.

– Прощайте, – послышалось в ответ.

Животная злость молнией сверкнула в глазах Элиса, и он повторил:

– Нет. До свидания, доктор.

Доктор поднял голову и, посмотрев на Элиса, ответил:

– Как Вам будет угодно. До свидания.

Элис отвернулся, открыл дверь и вышел в коридор. Невероятным усилием воли он постарался убрать с лица все эмоции, которые сейчас просто бушевали внутри. Подойдя к Нике, он слегка улыбнулся ей.

– Я сейчас, малышка.

Он прошел к стойке дежурного врача. Там он выписал и оплатил лекарства. Быстро взяв все необходимое, Элис вернулся к Нике.

– Ну что, Красавица моя, вот и все. Пора нам топтать домой, – абсолютно спокойно сказал Элис.

– Пора, – ответила ему Ника. – Все хорошо? Что сказал доктор?

– Что сказал?! Он сказал, что мы тебя скоро вылечим. Вот что сказал.

Элис лгал. Он решил ничего ей не говорить. «Да, чудес не бывает, но, блин, чем черт не шутит?» А если честно, то он просто не мог ей всего этого сказать, язык не поворачивался. Да и не хотел. Поэтому просто лгал.

– Еще доктор сказал, что не все так страшно, как казалось, вот так-то! Все это поправимо. Нужно только вовремя принимать лекарства и не отлынивать. Ясно? – Элис строго посмотрел на Нику, однако в уголках глаз у него легко читалась улыбка.

Ника кивнула, приложила правую руку к виску, изображая воинское приветствие, а левую руку положила себе на голову, чтобы у Элиса не было возможности сказать: «К непокрытой голове руку не прикладывают». Сейчас она изо всех сил старалась не терять «присутствие духа» и одарила Элиса красивой широкой улыбкой.

– Все будет хорошо! – подытожил Элис, он тоже улыбнулся, глядя Нике прямо в глаза. Она улыбалась ему в ответ.

– Но это не освобождает тебя от обязанности отнести меня домой, – «серьезно» сказала Ника.

– Нуууу, это я еще подумаю, – смеялся Элис. – А то, может, проще оставить тебя здесь? Шучу. Шучу, конечно. Я люблю тебя, Звездочка, – Элис поднял Нику на руки. Она обвила руками его шею и поцеловала. Элис направился к выходу.

Они достаточно быстро добрались домой, где их ждало самое дорогое сокровище – их любимая дочь. Несмотря на свой маленький возраст (ей было всего шесть месяцев), она вся просто светилась от счастья, когда видела родителей, невероятно мило улыбаясь, а порой даже смеясь от радости. Крошка часто оставалась одна с няней. Вот и в этот раз так вышло, что она почти весь день провела с няней. Как, впрочем, и почти все последние дни до этого. С тех пор как заболела её мама.

Весь остаток дня Элис провел с дочкой и женой. Они все вместе поужинали, потом весело играли и дурачились. В какой-то момент Элису даже показалось, что все хорошо. А сегодняшней прием в больнице – просто дурной сон. Казалось, что никакой болезни нет и не было. Ника здорова, и у них все отлично. От этих мыслей его оторвал голос Ники.

– Эл, помоги мне встать, а то здесь кое-кому уже давно пора укладываться спать, – с улыбкой произнесла она.

Эти, на первый взгляд, обычные слова быстро вернули Элиса с небес на землю. Реальность тоже важна, намного важнее, чем «сны», вот только теперь эта реальность была весьма пугающей.

Они вместе уложили ребенка спать. Ну как вместе, Элис сделал все под неусыпным контролем Ники. Она сидела рядом на стуле и с удовольствием наблюдала за тем как Элис возится с ребёнком. Вот только ребёнок при этом выглядел отлично, а Элис смотрелся весьма комично. Ника видела, как он с трудом учился справляться с мелочами, которые она делала всегда с изящной легкостью. Ника наслаждалась мелочами, которые она сделать не сможет больше никогда.

Несмотря на то что она шутила и улыбалась, Элис видел, что внутри, в душе она плачет. Плачет от бессилия. Она держалась только потому, что верила ему. Верила, что он, её Элис, обязательно найдет решение. Найдет способ ей помочь. Им помочь.

Она была далеко неглупым человеком. Ника прекрасно осознавала, что в этот раз «что-то пошло не так». Видела, что Элис не говорит ей всю правду, а такого раньше не было никогда. Вот и получается очевидная картина: «Раз он этого не делает, значит, дела её совсем плохи», – думала Ника. Да и сложить всю информацию, услышанную ею за все прошедшее время, было не так и сложно. В чудеса она не верила уже давно, но безгранично верила ему. И сегодня она хорошо видела, с каким видом Элис вышел из кабинета доктора. У него на лице четко и ясно читался даже не испуг, это, скорее, был жуткий страх или даже животный ужас вперемешку с отчаянием и бессилием. Так не радуются шансу на выздоровление. За все время, сколько они вместе, и до сегодняшнего дня Ника не видела Элиса даже испуганным, никогда, ни разу. У него всегда было решение любой проблемы, выход из каждой ситуации. Она видела, что сегодня он пытался все скрыть, спрятать все эмоции внутри и изо всех сил делал вид, что ничего особенного не произошло. Элис был мастер в этом, хотя и прекрасно знал, что Ника угадает его настроение даже с закрытыми глазами, просто по дыханию, просто почувствует его. «Зачем прятать эмоции, если у них все получилось? Зачем скрывать, если все хорошо?» Да и в «волшебное лекарство» верилось как-то слабо. Ника постаралась взять себя в руки. «Он сказал, что все будет хорошо. Значит, так и будет», – сказала она себе. Если Элис почему-то ей не говорит все, значит, так нужно. Так сейчас правильно. «Иногда счастье в неведении», – вспомнила она его слова и немного успокоилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.